

Замечательна быличка о Пиритюйнинне – существе, приносящем хозяину по его повелению деньги или вещи. Оно похоже на навозного жука. Своеобразны былички о Пяре – мифическом существе, которое напоминает по форме веретено и катается на одной ноге. Оно ворует у соседей масло, творог, молоко. Этих персонажей в русском фольклоре нет.

В целом система жанров финского фольклора, как она представлена в бережно составленной антологии, выразительно сочетает в себе черты глубинной аутентичности, своеобразия и переклички с материалом других народов.

Примечания

¹ Высек пламя Илмаринен: Антология финского фольклора / Пер. с финск., соств., вступ. ст. Э.Г. Рахимовой. – М.: Издательская группа «Прогресс», 2000.

² Высек пламя Илмаринен... – С. 332.

³ Потешки. Считалки. Небылицы / Сост., вступ. ст. и примеч. А. Мартынова. – М.: Современник, 1989.

⁴ Высек пламя Илмаринен... – С. 11.

Н. В. Дранникова
Архангельск, Россия

ПРОЗВИЩНЫЙ КОНТИНУУМ И ИНОЭТНИЧЕСКИЕ ПРОЗВИЩА

Прозвищные тексты представляют собой весьма специфичную область фольклора, которая стала изучаться в последнее время. Предметом нашего исследования являются коллективные прозвища, которые даются представителям различных местных сообществ.

Вопрос о присловьях-прозвищах слабо разработан в современной науке. На недостаточную освещенность проблемы указывал К.В.Чистов¹. Нет ясности в определении самого термина «присловье», который имеет несколько значений: во-первых, – это присказка, поговорка; во-вторых, – прозвище, относящееся к группе лиц, представляющих собою географическую или этническую общность.

Впервые во втором значении термин был употреблен в 1832 году И.М.Снегиревым, затем – И.П.Сахаровым и В.И.Далем². Определение присловья было дано В.И.Далем: «Присловье весьма близко к прозвищу, но относится не к лицу, а к целой местности, коей жителей дразнят, бранят или чувствуют приложенным к ним присловьем»³. Собиратели и публикаторы фольклора XIX века широко понимали жанровую природу «присловья» и относили к нему не только прозвища, но и дразнилки, пословицы, поговорки, загадки, анекдоты, афоризмы и др.

Начало научному изучению присловий было положено в 1905 году работами Д.К.Зеленина⁴. В 1994 году его работы, посвященные коллективным

прозвищам, были переизданы. Значение коллективных прозвищ Д.К.Зеленин видел в том, что они дают возможность изнутри выделять группы этноса⁵. Д.К.Зеленину свойственно не различие этнологических и лингвистических сведений, что было обусловлено спецификой изучаемого материала. Прислоеве – формула, которая реализуется в речевом контексте. Этнолингвистическое направление оказалось наиболее продуктивным в отечественной науке⁶. Наряду с ним существовало чисто этнологическое изучение предмета⁷. В фольклористике к изучению коллективных прозвищ обращались В.П.Блажес, И.Ю.Карташова, А.А.Иванова⁸.

Термин «прислоеве» неточен, так как не всегда прозвища являются собственно «присловьями», но могут выступать в роли аппозитивных конструкций. О.Н.Трубачевым в дискуссии по докладу А.Ф.Журавлева⁹ (1983) был предложен новый термин – «микроэтнонимы». В свою очередь, Р.А.Агеева¹⁰ считает, что термин «микроэтноним» неудобен, и при разработке таксономических единиц этнонимии она объединяет прозвища и катойконимы. В своей работе мы будем использовать все термины: присловье, микроэтноним и прозвище.

До сих пор исследованию подвергались отдельные стороны этого явления. Нет работы, которая бы систематизировала его и показала как совокупную картину и одновременно как систему различных жанровых разновидностей. Отмечая новые тенденции в изучении фольклора, Л.Н.Виноградова отмечает: «Долгое время вне сферы внимания фольклористов оставались своеобразные «малые» фольклорные формы: благопожелания, просительные и благодарственные формулы обходных обрядов, формулы угроз, проклятий... и др.»¹¹. К «малым» формам, выделенным Л.Н.Виноградовой, можно отнести весь прозвищный континуум, подвергшийся исследованию в нашей работе. Источниковедческой базой для работы являются материалы архива лаборатории фольклора Поморского университета, тексты, содержащиеся в научных и краеведческих материалах XIX – XX веков и в различных словарях, в периодической печати и большой личной коллекции автора статьи. Для сбора материала был разработан специальный вопросник, тексты были записаны от 600 исполнителей. Выводы основываются на материале Северо-Западного региона, преимущественно Архангельской области, а также Карелии и Вологодской области.

По своей конструкции прозвища могут состоять из одного слова (наименования), словосочетания, предложения и фразеологизма (поговорки, поговорки, дразнилки, стереотипные суждения и т.д.), могут выступать в виде нарратива (устные рассказы, предания, анекдоты и т.д.) или же поэтически организованного текста (прозвищные песни и частушки). Прозвищные тексты – это одновременно явление фольклора и языка. Как фольклорные тексты, они имеют следующие свойства: устойчивость, вариативность, клишированность, сильные внетекстовые связи.

Предмет нашего исследования обладает функционально-стилистической общностью. Основной оппозицией в традиционной народной культуре является противопоставление своего и чужого мира. В реконструкции прозвищ-

ный фольклор восходит к табуированию и имеет обережную функцию. Переименовать – значит обезопасить себя или оградить от воздействия чужого. На табуирование имени и употребление с этой целью отталкивающего имени обращал внимание В.А.Никонов¹². О замене имени с апотропейной целью пишет Е.Е.Левкиевская¹³. Настоящее имя было опасно, поэтому использовались специальные имена и прозвища-эвфемизмы. Прозвища представляют собой исключительно ценный материал для изучения архаического менталитета и человеческого менталитета в целом. В свою очередь, микроэтнонимы делятся на эндонимы, или самоназвания, и экзонимы – прозвища, данные соседним сообществам. Эндонимы отличаются более высоким аксиологическим статусом, чем экзонимы, в них преобладают положительные характеристики: «*ярославцы-красавцы, белотельцы*», «*олемцы хорошие, резчена пригожие*»¹⁴ (Леш.). В экзонимах даются иронические характеристики: «*Рязанцы кособрюхие, синетузы*», «*вагане кособрюхие*» (Вел.), «*псковичи – небо кольями подпирали*»¹⁵ и др.

Одна из основных функций микроэтнонимов – функция микролокального размежевания. Как пишет А.Ф.Журавлев, микроэтнонимия «дает рубрику этносоциального пространства и является конкретной основой субэтнической самоидентификации»¹⁶.

Функция микролокального размежевания групп смыкается с интегрирующей функцией. На значение интегрирующей функции для культуры обращал внимание А.К.Байбурин¹⁷. При помощи называния / прозывания люди осознают свое единство. Происходит постоянное переутверждение присловий-прозвищ. В сельской местности очень развита система коллективных прозвищ, ее значение доказывает принадлежность индивида к местному сообществу. «По-видимому, еще не так давно в русской деревне существовало особое социальное явление, которое можно обозначить термином коллективная личность»¹⁸. Через знание определенных текстов осуществляется связь поколений. Кроме того, присловья моделируют единую ситуацию называния. Для них органична моделирующая функция. Присловья – стереотипы: их знание объединяет тех, кто носит прозвища в определенные микролокальные общности.

У ряда прозвищных текстов присутствует «толковая», или метаязыковая функция¹⁹. Существует своеобразная народная герменевтика, к которой можно отнести объяснение прозвищ, например, микроэтноним «*матегоры-воры*» (с. Матегоры, Холм.), объясняла параллельно бытующая пословица: «*Матегоры-воры: Богородицу украли, в огороде закопали*»²⁰. Особенно ярко метаязыковая функция проявляется в дразнилках, прозвищных песнях и частушках. Эту же функцию выполняет расшифровка прозвищ в устных рассказах. Тексты содержат своеобразный параллелизм. Первая часть заключает в себе прозвище и является метафорической, вторая – эксплицитная часть и объясняет первую.

Менее всего изученной оказалась поэтика этого явления, которую в данном случае необходимо рассматривать как этнопоэтику, на это обращает внимание В.М.Гацак²¹. Понятие традиции соотносится с понятием социаль-

ной, этнической и конфессиональной группы носителей традиции. Ядро прозвищ связано с этносом различными уровнями связей: от микролокальных (прозвища жителей какого-то одного околотка, деревни) до межэтнических (прозвища соседних народов). Любое сообщество имеет свои, известные только ему тексты, которые, как пишет А. Дандес, «помогают группе осознавать групповое тождество»²². Прозвищный идеолект может существовать на уровне жителей одного дома (в городе) или околотка / конца деревни в селе и бытовать на уровне целого ареала.

Поэтику экзонимов можно охарактеризовать как пейоративную, или сниженную и бытовую. Поэтика эндонимов характеризуется нами как высокая.

Прозвища – это явления устной фольклорной речи. Как явление языка, они имеют повторы, речевые зачины, диалогичность, контаминации, ассоциативность, диффузность семантики.

Тематические группы прозвищ составляют объекты самосознания и осознания соседних сообществ. Осознанию часто подвергается фонетика, существует много прозвищ, высмеивающих особенности речи, например: «*скороговоры*» (Сылога, Пин.), речь пинежан передразнивают следующим образом: «*Покупала по цетыре денежки, продавала по два grosька, барыса куца куцей, а денег ни копеечки*» и т.д. Осознанию подвергается поведенческий код сообщества: часто встречается прозвища «*воры*» (Холм.), «*ножовики*» («*ходили с ножами*») (Вол.), «*сажееды*», («*много сажки в избах*») (Мез.). В отдельные группы выделяются прозвища, раскрывающие пищевые пристрастия, – кулинарный код: «*кислы шаньги*» (Арх.), «*трескоеды*», «*штенники*», [*шти* – мучной суп. – Н.Д.] (Мез.), «*лапотники*» (Вел., Вол.); и прозвища, раскрывающие род занятий сообщества, – профессиональный код: «*красноборцы*»-«*кушачники*» («*ткали пояса*») (Красн.), «*тимошьельцы*»-«*горшки*» (занимались гончарным промыслом) (Мез.), «*поморы*»-«*наважьи головы*» (добывали навагу) (Пом.) и др. В формах самосознания и осознания других преобладают различные степени: насмешка, издевка, презрение, враждебность. Множественности форм самосознания в фольклоре посвящена статья Ю.И.Смирнова²³.

Большую тематическую группу составляют иноэтнические прозвища. Остановимся более подробно на их анализе. Этнические образы в фольклоре формируются по особым законам²⁴. Фольклор дает самый разнообразный материал для анализа этнических стереотипов, на это обращает внимание И.А.Разумова²⁵. В фольклоре материализуется представление о носителях собственной этнической культуры в интраобразах и носителях иной этнической культуры в экстраобразах. Соседние местные сообщества вызывали чувства опасения, тревоги. Дать прозвище или переименовать – значит обезопасить себя. Поэтому в прозвищном корпусе текстов преобладают иронические наименования. Неоднократно отмечалось, что иноэтнические образы соотносятся с категорией «чужого», потустороннего²⁶. С представлениями о чужом мире ассоциируются иноэтнические прозвища «*французы*», «*турки*», «*японцы*», «*китайцы*», «*цыгане*», «*шведы*» и др.²⁷ Большой частотностью среди них обладают такие микроэтнонимы, как «*турки*» и «*япон-*

цы». В том же значении часто используется название страны «Япония», «Турция» и др.

Отдельно остановимся на функционировании микроэтнонима «чудь». «Чудью» / «чудью белоглазой» в Архангельской области называют жителей различных деревень и ареалов, например: жителей верховьев реки Пинеги, жителей Верхнетоемского района и конкретно – жителей деревни Усть-Ваенги Верхнетоемского района (второе название этой деревни Чудской порог, по сообщению И.Кульневой, 1982 г.р.), жителей Каргопольского района. В Холмогорском районе нами отмечено употребление стереотипного выражения, бытующего в виде вопроса: «*Что за чудь такая?*» и использующегося по отношению к людям, обладающим недостаточной сообразительностью. Прозвищная лексика имеет широкие интертекстовые связи и реализуется в различных жанрах фольклора.

Как вариант «чуди» мы рассматривает прозвище «чухари» и «чучкари». Как полагают исследователи Д.В.Бубрих, Р.А.Агеева, А.И.Попов и др.²⁸, «чухарями» называли вепсов. «Чухарями» именовали всех жителей реки Пёзы (притока Мезени) и отдельно жителей деревни Сафоново, находящейся в самых верховьях Пёзы. Основное объяснение «чухаря» – глухарь, «глухой тетерев»²⁹. Но в прозвище вкладывается насмешливое и уничижительное значение, «чухари» – иначе глупые, недалекие люди.

Широкое распространение онима «чухарь» подтверждает его использование не только в качестве прозвища, но и в качестве топонима и антропонима. Краевед А.В.Новиков пишет: «В 1858 году в д.Устькымская [Мезенский уезд Архангельской губернии. – Н.Д.] появляются два околотка Якшины и Чухари»³⁰. Антропоним «чухарь» был также обнаружен нами в среднем течении реки Пинеги (д. Кушкопала). Поскольку все индивидуальные и коллективные прозвища обладают широкими интертекстовыми связями и высокой паремнологической продуктивностью, антропоним был отмечен нами в частушке:

*Рай, рай, рита рай,
Новая деревня.
Как у Прони Чухаря
Голова-тетеря.
(ФА ПГУ: П. 250)*

Оппозиция свой / чужой мир реализуется в противопоставлении верха / низа реки и реки / притока³¹. Верховья реки и приток связаны с представлениями о социокультурной отсталости, проживающего там сообщества. Вероятно, это вызвано особенностями заселения. В верховьях рек-магистралей, по которым происходило заселение (Мезени, Пинеги и др.), дольше оставалось аборигенное население. Жителей верховьев Пинеги называют иронично «*верхотычками*» (тычка – шапка); и, наоборот, жителей д. Бестужево Устьянского района (нижнее течение реки) – «*русью*»³². Прозвища сохранили память о заселении края и народах, которые жили здесь до прихода русского населения. Жителей с. Колежма (Карелия, западное побережье Белого моря)

называли «лопарями» [лопарь – саам. – Н.Д.], объясняя это их «лопарским происхождением». В отношении коренных народов существовали иронические прозвища: ненцы – «лопаты» («из-за плоского лица») [вероятно, прозвище связано с лопарями. – Н.Д.] и «сыроеды» (также «сыроедами» называли каргопол, что дополнительно подтверждает полиэтничный состав ареала Каргополья). Б.В.Шергин в своем творчестве использовал как официальные названия местных народов, так и их прозвища: «лопь, лопины, лопари»³³; Г.Куликовский (1898) указывал, что карел называют «коровий язык», «байбаки», «кайваны», «кайки»³⁴, что означает «конец, дело закончено» (Куликовский)³⁵, хотя официально кайваны – это вепсы.

В прозвищах-экстраобразах преобладает пейоративная лексика. С прозвищами других этносов соотносятся сниженные эпитеты и существительные: «дикий», «глухой», например: «дикая Пёза» (приток реки Мезени), «Сурадура» (верховья реки Пинеги), «дикая Шуньга» / «глухая Шуньга» (Карелия, жители Шуньгского погоста), так южная часть Заонежья называла северную, которая долго «обрусевала» (по устному сообщению доктора филол. наук И.И.Муллонен). В качестве примеров, подтверждающих нашу мысль, приведем несколько речевых фрагментов, именующихся в науке автохтонными толкованиями.³⁶

Низ называл Нюхчу [самая верхняя пинежская деревня. – Н.Д.] чернолобые, то есть колдуны.

(ФА ПГУ: П. Г.В.Морозова, 1937 г.р.)

Я слышала от бабушки, что жителей деревень, которые находятся в верховьях Пинеги называют «икотниками». Там много колдунов (выше нашей деревни). Наверное, потому что они отдалены от райцентра и областного центра у них лучше сохранились заговоры и заклинания.

(ФА ПГУ: Л. 54. М.Никулина, 1982 г.р.)

На негативную оценку Верха реки Низом обратила внимание Т.А.Бернштам³⁷. Жители нижней Устья называли жителей верховий «вшивые», «лапотники», «колдуны», «нищие». Как пишет исследовательница, «этот берестяной признак – свойство архаичной и нерусской традиции»³⁸. Противопоставление осуществлялось на культурно-бытовом и нравственном уровнях. Нами записан текст приветствия, с которым обращались жители верха и низа Пинеги друг к другу при встрече, подтверждающий этот вывод.

Раньше эти паромы – лес плавил паромами большими. Таки плитки наделают. Сами вручну плавил. После-то стали катера таскать их. Плиты таки больши паромами наделают и катят, и тянет пароходик маленькой. А сперва-то вручну.

Дак вот мимо-то пойдут нас, мы все кричим:

– Верховцы – палёны овцы,

Они опять

– Низовцы – кутцы!

(ФА ПГУ: П. 303. А.Н.Чарносова, 1926 г.р.)

Негативное отношение к жителям верховий подтверждает пейоративный эпитет «палёны» и субстантив, имеющий в данном случае уничижительный оттенок – «овцы». Тексты, содержащие в себе прозвищные экстраобразы, обладают общей функциональностью, чаще всего для них характерна функция осмеяния. Произнесение речевой формулы приветствия происходило в ритуализированной обстановке. Для этого использовались типовые формы словесной коммуникации.

Рыжий цвет соотносился с категорией «чужого», поэтому представители других этносов получали прозвища, связанные с рыжим цветом волос и реализуемые в различных паремиях: «Упряма как рыжий зырянин», «Зырянин рыж от Бога, татарин рыж от черта» и др.³⁹

В прозвищах нашли отражение антропологические особенности местных сообществ, которые явно восходят к особенностям проживавшего здесь когда-то автохтонного населения. Как присловье, имеющее антропологическое значение, приводит прозвище «чудь белоглазая» Д.К.Зеленин⁴⁰. Как пишет исследователь, «прозвище чудь белоглазая очень верно и метко характеризует финский тип»⁴¹. Для этого иногда используются хорошо известные современные этнонимы: «кучкасы-киргизы» («скулы широкие»); «Шиндема-башкиры» («отличались на лицо от русских»), Шиндема и Кучкас – деревни в верхнем течении Пинеги.

С прозвищем связана проблема текста и контекста. О представителях других этносов бытовали анекдоты сюжетного типа «О глупцах и простаках (пошехонцах)» СУС 1200 – 1349⁴², отдельные тексты встречаются в «Разных дополнениях к анекдотам»⁴³. Аналогичный анекдот «Зырянская вера», где глупость зырянина доведена до абсурда, помещён в книгу Н.Е.Ончукова «Северные сказки»⁴⁴. В «Филологических записках» за 1901 год опубликован анекдот с сюжетным типом СУС – 2200** <Человек неправильно понимает либо не расслышал слова собеседника> о русском путешественнике, передвигающемся в обществе карел.

Один путешественник странствовал в обществе карел, утомившись переездом через озера, спросил, скоро ли доберутся. В ответ на это «карел» ответил: «Скоро, бачка, скоро – большая половина проехали, а эта половина гороздо поменьше»⁴⁵.

(В.И.Фил.зап.)

Этнонимы и интраобразы связаны с представлениями о безопасном и естественном мире. В северо-восточных районах Архангельской области широко распространена в различных вариантах паремия, которая могла быть в некоторых случаях поговоркой, в других – пословицей: «Хоть за батожок [то есть выйти замуж. – Н.Д.] – да на свой бережок, хоть за курицу – да свою улицу». В отличие от экстраобразов в интраобразах используется «высокая» поэтика: преобладают эпитеты, имеющие, по народным представлениям, положительную окраску: «высокие», «широкие», «колодные», «дородные». Иноэтнические образы выражают этнические стереотипы.

Подведем некоторые итоги. Присловья-прозвища являются наименее исследованной областью фольклора, обладающей функционально-стилевым единством и реализующейся в различных жанрах фольклора. Присловья могут бытовать в виде самоназваний (эндонимов) и названий, даваемых другими сообществами (экзонимов). Существуют различные тематические группы присловий, в которых выражаются различные объекты самосознания и осознания других сообществ.

Большую тематическую группу среди них составляют иноэтнические образы такие, как «*турки*», «*французы*», «*японцы*» и др. Распространенным образом на территории Архангельской области является микроэтнимом «*чудь белоглазая*». Это связано с историей заселения края и этническими процессами, происходившими на его территории. Этнимом «*чудь белоглазая*» может выступать не только в роли коллективного прозвища, но топонима и антропонима. Как варианты «*чуди*» мы рассматриваем присловья «*чучкари*» и «*чухари*».

Иноэтнические образы в прозвищном фольклоре связаны с категорией «чужого». Эндонимы и интраобразы (определение Я.В.Чеснова) воплощают в себе представления о безопасном и естественном мире.

Примечания

¹ Чистов К.В. Прозаические жанры в системе фольклора // Прозаические жанры фольклора народов СССР. – Минск, 1974. – С. 6–31.

² Снегирев И.М. Словарь русских пословиц и поговорок: Русские в своих пословицах. – Н.Новгород, 1996; Сказания русского народа, собранные И.П.Сахаровым. – М.: Худож. лит., 1990; Пословицы русского народа: Сб. В.Даля: В 3 т. – М.: Русск. кн., 1993. (Живое русское слово).

³ Даль В.И. Напутное // Пословицы русского народа... – Т. 1 – С. 33.

⁴ Зеленин Д.К. Великорусские народные присловья как материал для этнографии // Избранные труды: Статьи по духовной культуре 1901–1913. – М.: Индрик, 1994. – С. 38–58; Он же. Народные присловья и анекдоты о русских жителях Вятской губернии (Этнографический и историко-литературный очерк). – Там же. – С. 38–58. Кроме того, Д.К.Зеленин опубликовал несколько небольших заметок, посвященных присловьям: Народные присловья о вятчанах // Вятские губ. вед. – Приложение. – 1903. – № 143. – С. 2–3; Народные присловья о владимирцах // Живописная Россия. – 1903. – № 151. – С. 557–560; № 152 – С. 568 – 570; Север России в народном языке, пословицах и присловьях // Природа и люди. – 1903. – № 18. – С. 290; № 19 – С. 306–308.

⁵ Зеленин Д.К. Великорусские народные присловья... – С. 43.

⁶ Журавлев А.Ф. Этнография в прозвищах // Русск. речь – 1984. – № 3. – С. 116–123; № 5. – С. 124–129; Климчук Ф.Д. Этнографические представления полешуков // Полесье и этногенез славян. – М., 1983. – С. 39–41; Герд А.С. Введение в этнолингвистику. – СПб., 1995. – С. 36–55.

⁷ Ухмылина Е.В. Названия и прозвища русского населения Горьковской области // Этнонимы. – М.: Наука, 1970. – С. 254–264. Белобородова И.Н. Региональная и локальная самоидентификация в севернорусской культурной традиции (к вопросу о формировании локальных групп) // Этнические стереотипы в меняющемся мире. – М., 1998. – С. 68–88.

⁸ Блажес В.П. Коллективные прозвища и этнические эпитеты в жанрах русского фольклора Урала // П.И.Чайковский и Урал. – Ижевск: Удмуртия, 1983. – С. 91–99; Карташова И.Ю. Прозвища-присловья в русском фольклоре // Современный фольклор старых заводов. – Свердловск, 1984. – С. 141 – 153. (Фольклор Урала); Иванова А.А. Фольклор как индикатор этнических сообществ // Культурный ландшафт Русского Севера. – М., 1998. – С. 39–64.

⁹ Журавлев А.Ф. Русская микроэтнонимия и этническое самосознание // Этническое и языковое самосознание. – М., 1995. – С. 56.

¹⁰ Агеева Р.А. О таксономических единицах в этнонимике и типах экзотонимов // Этническое и языковое самосознание. – М., 1995. – С. 5–6.

¹¹ Виноградова Л.Н. Фольклор как источник для реконструкции древней славянской духовной культуры // Славянский и балканский фольклор. – М.: Наука, 1989. – С. 104.

¹² Никонов В.А. Имя и общество. – М.: Наука, 1974. – С. 29.

¹³ Левкиевская Е.Е. Мифологические имена-апотропеи в Карпатском ареале // Символический язык традиционной культуры. Балканские чтения–11. – М., 1993. – С. 93–102.

¹⁴ Фольклорный архив лаборатории фольклора ПГУ (далее: ФА ПГУ).

¹⁵ Пословицы русского народа: Сб. В.Даля: В 3 т. – М.: Русск. кн., 1993. – Т. 2. – С. 26, 39, 46.

¹⁶ Журавлев А.Ф. Русская микроэтнонимия... – С. 51.

¹⁷ Байбурин А.К. Ритуал в традиционной культуре. – СПб.: Наука, 1993. – С. 30–31.

¹⁸ Пауфошима Р. Ф. Житель современной деревни как языковая личность // Язык и личность. – М.: Наука, 1989. – С. 45.

¹⁹ Левинтон Г.А.К вопросу о «малых» фольклорных жанрах: их функции, их связь с ритуалом // Этнолингвистика текста: Семантика малых форм фольклора. – М., 1998. – С. 148.

²⁰ Подвысоцкий А.Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. – СПб., 1885. – С. 88.

²¹ Гацак В.М. Северные этнопоэтические константы // Народная культура Русского Севера. Живая традиция. Вып. 2. – Архангельск: Поморский государственный университет, 2000. – С. 7 – 10.

²² Dundes A. Who are The folk? // Interpreting folklore. – Bloomington, London, 1980.

²³ Смирнов Ю.И. Противопоставление «свой-чужой» и множественность форм самосознания // Этническое и языковое самосознание. – М., 1995. – С. 133–134.

²⁴ Чеснов Я.В. Этнический образ // Этнознаковые функции культуры. – М., 1991. – С. 58–85.

²⁵ Разумова И.А. Этнические образы в преломлении фольклорных жанров // Народная культура Русского Севера. Живая традиция / Отв. ред. Н.В.Дранникова, С.В.Козлов. – Архангельск: Изд-во Помор. ун-та, 1998. – С. 39–42.

²⁶ Славянская мифология. – М.: Эллис Лак, 1995. – С. 213–215.

²⁷ В качестве примеров приводятся тексты из фольклорного архива Поморского государственного университета и личной коллекции Н.В.Дранниковой.

²⁸ Бубрих Д.В. Происхождение карельского народа. – Петрозаводск, 1947. – С. 25–26; Агеева Р.А. Страны и народы: происхождение названий. – М.: Наука, 1990. – С. 102; Попов А.И. Названия народов СССР. – Л.: Наука, 1973. – С. 79.

²⁹ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. – М.: Русск. яз., 1978. – Т. 4. – С. 616.

- ³⁰ Новиков А.В. Лешуконье: История заселения Средней Мезени в XV–XIX веках. – Архангельск: Изд-во Поморского университета, 1999. – С. 61.
- ³¹ Бернштам Т.А. Локальные группы Двино-Важского ареала: Духовные факторы в этно- и социокультурных процессах // Русский Север: К проблеме локальных групп. – Л.: Наука, 1995. – С. 223.
- ³² Там же.
- ³³ Б.Шергин. У Архангельского города. – Архангельск: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1985.
- ³⁴ Словарь областного Олонецкого наречия в его бытовом и этнографическом применении / Собр. на месте и сост. П.Куликовским. – СПб., 1898. – 151 с. (далее: Куликовский).
- ³⁵ Там же. – С. 32.
- ³⁶ Христофорова О.Б. Моделирование поведения в архаических культурах (на материале малых жанров фольклора народов Сибири) // Автореф. ... канд. культурологии. – М., 1997. – С. 2.
- ³⁷ Бернштам Т.А. Локальные группы Двино-Важского ареала... – С. 223.
- ³⁸ Там же.
- ³⁹ Пословицы русского народа. – М., 1993. – Т. 2. – С. 63.
- ⁴⁰ Зеленин Д.К. Великорусские народные присловья... – С. 49.
- ⁴¹ Там же. – С. 49.
- ⁴² Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка / Сост. В.Г. Барга, И.П. Березовский, К.П. Кабашников, Н.В. Новиков. – Л.: Наука, 1979.
- ⁴³ Там же. – С. 380–392.
- ⁴⁴ Северные сказки: Архангельская и Олонецкая губерния: Сб. Н.Е. Ончукова. Кн. 1. – СПб., 1908. – С. 88.
- ⁴⁵ В.И. Народные присловья о городах и племенах Олонецкого края // Филол. записки. – Воронеж, 1901. – Вып. 1–2. – С. 64.

Список условных сокращений

- Арх. – Архангельская область / губерния
 Вел. – Вельский район / уезд
 Вол. – Вологодская область / губерния
 Красн. – Красноборский район, бывший Сольвычегодский уезд Вологодской губернии
 Леш. – Лешуконский район
 Л. – лист
 Мез. – Мезенский район / уезд
 Пин. – Пинежский район / уезд
 Пом. – Поморье
 Холм. – Холмогорский район / уезд

Автор выражает глубокую благодарность за помощь в сборе материала профессору, доктору исторических наук И.А. Разумовой (Петербург) и профессору, доктору филологических наук И.И. Муллонен (Петрозаводск).